Виктор ГРИШИН родился в 1952 году в городе Кинешма. Закончил Горьковское речное училище и экономический факультет МГУ. Кандидат экономических наук, доцент, автор двух монографий по экономическому анализу. Член Союза писателей России. Автор семи книг. Финалист, лауреат и победитель ряда всероссийских и международных конкурсов, в том числе «Добрая лира» (2008), имени Юрия Рытхэу (2012), Русский stil (2009, 2012), «Литературная весна» (2012) и ряда других.

КУКУШКА (СТАРЫЙ СНАЙПЕР)

«Дело прошлое. Что было, то было.
Давайте жить дальше».
Слова старого оленевода-саами.

Эти слова произнес финн, лесоруб из маленького поселка под городом Рованиеми, что на севере Финляндии. Это было в 1988 году, когда еще жила страна СССР и мы были великим советским народом. Не «совком», как уничижительно назвали сами себя граждане одной шестой части суши. Мы были граждане СССР. Именно так нас и встречали в городе Рованиеми в Обществе советско-финляндской дружбы.

Принимали нас достойно. Были интересные экскурсии по предприятиям, социальным организациям, банкам. Мы могли посетить дома и посмотреть, как живут финны. Все было хорошо, но мы не могли себе позволить посидеть в баре. Нет, никакие представители спецслужб, как бы сказали сейчас, здесь ни при чем. Причина простая: отсутствие финских марок. Норма валюты для советского туриста составляла 70 финских марок на человека в день. И все. Учитывая, что хотелось привезти домой подарки, мы дорожили каждой финской копейкой. Но в бары ходили и смотрели, как отдыхают финны. Мы увидели воочию крепких финских парней в своей родной обстановке.

Мы сидели в небольшом пабе. Была суббота, и бары Рованиеми не могли пожаловаться на отсутствие посетителей. Вокруг города много сельхозкомунн, поселений лесорубов, рыбаков. Да и просто хуторов немало. Вся эта разношерстная публика отдыхала в выходной день в центре провинции. Было шумно. Это миф, что финны молчаливы. Говорят они, дай бог каждому. В углу, недалеко от сцены, куда периодически выходили певцы, сидели бородатые крепкие парни в рубахах в красно-коричневую клетку. Они пили пиво, громко разговаривали и хохотали. Топали в такт певцам тяжелыми ботинками и усиливали эффект громыханием литровых кружек по столу.

Мы сидели, тихо разговаривая. Официанты к нам не подходили. «Руссо туристо…». Хотя какое там «руссо туристо». И пива хочется, и домой подарки привезти. «Что мы, дома пива не попьем », — подбадривали мы себя. Тем временем музыканты накачивались, и музыка становилась неразборчивей. Парни хохотали все громче. В общем, пора идти домой. Посидели — и хватит.

Но произошло то, чему собственно и посвящен рассказ. Парни стали кивать в нашу сторону, переговариваться и еще громче смеяться. Причем как-то ненатурально, с вызовом.

Это нам надоело, и мы решили уходить. Чего нарываться. Люди выпили, куражатся. Вдруг один из бородачей зацепил палец за палец, вроде как изобразил автомат. Затем прицелился в нашу сторону и затараторил: «Пу-пу-пу». Нас расстреливает, поняли мы. Снова хохот. Нас это задело, и мы попросили переводчика узнать, в чем дело. Сергей вскоре вернулся. Он объяснил, что коренастый бородач показывал своим товарищам, как его дед в финскую войну расстреливал наших красноармейцев. Что тут скажешь? Уходить под дружный смех этих парней нам не хотелось. Меня осенило. Мой отец не воевал в Финскую войну, но Отечественную он начинал на Карельском фронте и в полной мере хватил лиха с финскими егерями. Отец, обычно немногословный человек, начинал волноваться, когда вспоминал, как их буквально уничтожали финские снайперы. «Кукушки», так их называли красноармейцы.

Я и сейчас помню его истории. Заканчивал отец обычно такими словами: «Учитесь, мальчишки, бегать на лыжах. В армии пригодится». Позднее, когда я оказался в Заполярье и увидел, в каких условиях шла зимняя война, то понял, о чем говорил отец.

— Сережа, — сказал я. — Не поленись, сходи к этим парням и скажи, что мой папа во Вторую мировую войну их отцов и дедов тоже «Пу-пу».

Идея всем понравилась, и Сережа был делегирован в противоположный угол. Оттуда раздался оглушительный хохот. Так могли смеяться только здоровые, не обремененные проблемами люди. Бородач протянул в нашу сторону вытянутые руки с двумя оттопыренными большими пальцами. Понравилось, значит. Ну и ладно, теперь можно уходить. Но не тут-то было. Бородач поднялся и, слегка раскачиваясь, пошел к нам.

— Ну, началось, — с тоской подумал я.

Драться в наши намерения не входило, но если начнут… Такое же настроение было и у моих коллег. Хорошенькое дельце: завтра местные газеты напечатают о советско-финской драке. Управляющий банком, главный врач больницы, транспортный прокурор. Что и говорить, хорошая компания.

Сергей сделал нам жест: сваливайте ребята, а я с ним поговорю, но было поздно. Финн подошел к нам и, обращаясь к Сергею, что-то быстро проговорил.

— Он нас приглашает к своему столу, — перевел Сергей.

Мы растерялись: денег у нас нет, что делать за чужим столом? Но финн добавил еще несколько слов.

— Мы его гости, — перевел Сергей, — он нас угощает.

— Сергей, что делать? — растерялись мы.

Сергей был калач тертый, по поездкам набил руку и сказал, что пара кружек пива за чужой счет нам не повредит. Под общее одобрение всего паба мы пошли с пригласившим нас финном к его компании. Парни сдвигали столики и кричали что-то бармену. Пока мы рассаживались, принесли пиво. Бородач был очень доволен. Он громче всех шумел и хлопал нас по плечам. Его разгоряченные коллеги искренне радовались нашему появлению.

Расселись. Финны много говорили, нимало не заботясь, что мы их не понимаем. Сергей с трудом успевал переводить. Выяснили, что нас пригласили финские лесорубы, валившие лес где-то неподалеку. В субботу у них выходной, и они решили попить пивка. Хорошее дело — кто бы возражал. Мы, в свою очередь, рассказали, что приехали из Мурманска, чем вызвали еще большее оживление уже за соседними столами. Оказалось, что рядом сидели водители, которые возили лес из Верхнетуломского леспромхоза Мурманской области. Финны валили там лес и расплачивались с СССР за него финским сервелатом. Настроение в баре дошло до пиковой отметки. Мы успокоились, что все закончилось миром. Водители подвинули свои столы к нашим, и мы оказались в окружении разгоряченных бородатых финских

парней, открыто улыбающихся и пробующих на нас свои познания в русском языке.

Вдруг наш знакомый бородач спросил что-то у Сергея, кивнув в мою сторону. Финн спрашивал, правда ли, что мой отец воевал против финнов. Сергей перевел — да, воевал на Карельском фронте. Там против Красной армии стояли финские егеря как союзники фашистской Германии. Что тут началось! Шум неимоверный. Финны кричали, что они никогда не были союзниками Гитлера, а вместе с германской армией возвращали свои территории, отобранные СССР в 1940 году. Мало того, когда Финляндия вышла из коалиции с Германией, фашисты, отступая, сожгли Рованиеми. Сказать нам было нечего. Они были правы. Эти парни неплохо знали свою историю. Разговор зашел о родителях, которые воевали.

Мы вспомнили тех, кто воевал в эту тогда еще непонятную и малоизвестную «Зимнюю войну». Помолчали, как водится.

Неожиданно заговорил бородач. Неожиданно тихим голосом он стал рассказывать о своем деде. Дед воевал в Зимнюю войну. Он сейчас очень старый человек, но хорошо помнит события тех лет. Народ снова зашумел и мы поняли, что сидящие просят рассказать друга о деде. Мы потом не раз удивлялись, что финны умеют слушать и слышать. Вот откуда берут истоки «Калевалы», скандинавских рун и саг!

Оказалось, что его дед, саам по национальности, был снайпером и убил больше ста солдат. Здесь возникла пауза: все поняли, что это были советские солдаты. Я внутренне вздрогнул, так как отец говорил, что красные звездочки на серых шапках красноармейцев были отличной мишенью.

Бородач был великолепным рассказчиком, да и Сергей старался с переводом. Вскоре было забыто пиво и все, хозяева и гости, внимательно слушали.

— Мой род идет от саами. Отец был саами, дед был саами. Все мы саами, — неторопливо вещал финн.

— Мы любим свою землю, не претендуем ни на чью другую, но и свою мы не отдадим никогда. Так говорит мой дед. Я с ним тоже согласен.

— Зимняя война была для нас священной войной, и все финны встали на защиту своей земли. К нам на помощь пришли даже шведы и норвежцы, — негромко вещал финн.

Мы напряженно слушали. Шел 1988 год — время горбачевской оттепели. Приподнялся железный занавес, но знали мы о политике СССР на Севере

очень мало. Позже на прилавках появится литература не только художественная, но и научная. Горькая правда пробьется на свет сквозь ретушь идеологии. СССР окажется не таким уж безобидным. Но тогда… да что говорить. Мы слушали этого парня. Верили и не верили. Как, скажите, реагировать, когда он с горечью говорил, что под Рованиеми стоит памятник погибшим пассажирам автобуса, который подорвали советские партизаны.

— Кому было нужно? — вопрошал финн. — Убивать мирных жителей, среди которых были дети, ехавшие в школу, и пастор.

Он говорил правду, но об этом я узнаю только через несколько лет, когда в областной газете пройдет ряд очерков о войне в Заполярье. Да, так отличился мурманский партизанский отряд «Большевик Заполярья», подорвавший автобус.

Финны слушали и серьезно кивали головами. А бородач вещал дальше о том, что война не обошла и стойбище его деда. Здесь все улыбнулись: очень уж не вязался облик коренастого бородатого лесоруба с хрупкими малорослыми коренными обитателями тундры. Бородач оценил улыбки и пояснил, что его бабушка была шведской финкой и он первый в роду, в ком проявилась стать скандинавских викингов.

Саами тоже не остались в стороне и встали на защиту своей страны. Они формировали оленеводческие батальоны для перевозки грузов в районах Заполярья. Многие, природные охотники, становились снайперами. Здесь лесоруб на минуту умолк, перевел дух и сделал большой глоток пива. Остальные тоже расслабились и выпили. Рассказчик продолжал:

— Мой дед добровольцем вступил в финскую армию. Он был уже не молод и не подлежал призыву по возрасту, но пришел на призывной пункт и настоял на своем. Он стал снайпером. Дед всю жизнь пас оленей. Он много ходил на лыжах. Мог не уставая идти за оленями во время долгих переходов, и, конечно, метко бил волков, это исчадие тундры. Он не знал промахов. Не один заполярный хищник с предсмертным воем катился по насту тундры, сраженный метким выстрелом. Теперь у деда были другие цели.

Наступила оглушительная тишина в пабе. Все понимали, что сидим мы, представители другой страны, которая в недавнем прошлом напала на их родину. Позднее, я понял, что так, наверное, чувствовали себя немцы, когда приезжали в СССР после войны с визитами дружбы. Это чувство называется виной и будет сидеть в генах поколений. Мы молчали, и финн продолжил свой рассказ.

— Но дед не был убийцей. Ему не хотелось стрелять в русских пришельцев, которые, как куропатки, толпились на полянах и просеках. Его поражала бестолковость русских и полное неумение выжить в лесу. Он слышал, что Россия — страна лесов и рек, а русские солдаты совершенно не умели воевать в лесах. Дед останавливал колонны русских солдат, выбивая меткими выстрелами командиров, а расстреливать солдат, не понимающих, откуда щелкают выстрелы, отдавал егерям с их автоматами. Было ли их, испуганных, обмороженных людей, жалко? Да, наверное, было. Но он оправдывал себя тем, что их никто не звал сюда. Что им не хватало у себя дома? Он не знал России, но его отец в молодости бывал на ее территории и знал, насколько она велика. Он рассказывал об этой земле.

Затем наступил момент, когда у русских появились солдаты, которые умели стрелять. Дед нюхом охотника почувствовал, что это не просто солдаты, а охотники. Окончательно он понял это, когда его выследил русский снайпер и дед, услышав сухой щелчок, инстинктивно сжался в своем укрытии. Пуля впилась в ствол сосны совсем рядом с головой. Снайпера подвело незнание местности и особенности температуры. Было очень холодно, и требовался прицел на опережение, чего не сделал неведомый противник. Да и дед, убедившись, что русские не видят его, несколько расслабился в плане маскировки. Дед сообразил, что нажимал на спусковой крючок не советский стрелок. Еще он понял, что там, на той стороне, откуда раздался выстрел, появился хитрый противник. Выстрел, который мог стать роковым. Напугался ли дед? Нет, конечно. Он был саам, и с молодости умел смотреть смерти в глаза. Он выслеживал хитрых волчиц, коварных россомах. И этого охотника он поставил в их ряд. Только стал тщательнее прятаться, выбирая позицию.

Дело было в тайболе, то есть в притундровых лесах — место для поединка людей, решивших убить друг друга, уникальное. Дед сразу понял, что охотник прекрасно маскируется как в скалистых разломах, так и на деревьях. Он чувствовал противника, но не видел его. Но деда выручала его тундра, его родная стылая земля. Ему помогало солнце, которое после долгой полярной ночи не торопилось покидать небосклон и светило во все стороны. Это явно сбивало с толка неведомого стрелка.

— Ему помогали духи, — неожиданно заявил рассказчик.

Мы вопросительно подняли на него глаза. Да и другие слушатели выразили недоумение.

— Да, ему помогали духи, — повторил упрямо финн. Он был воодушевлен воспоминаниями — разогрелся, глаза светились. При ближайшем рассмотрении этот парень оказался не так уж молод. Он был нам ровесником, то есть рожденным после войны.

— Дед был лютеранином, но верил и молился духам тундры. И духи помогали ему, — упрямо повторил рассказчик. — Дед слился с тундрой. Он зарывался в снег как куропатка, рыскал по тайболе, словно волк. Забивался в валуны сопок. Он вел невидимого противника. Но и сам чувствовал за собой слежку. Умение деда маскироваться тоже мешало советскому снайперу сделать роковой выстрел. Дед понимал, что в этом поединке промаха не будет. Противник выслеживает его, как и он, свою жертву. Они друг друга стоили: охотник-саам и неведомый сын русской земли.

Они хорошо изучили друг друга. Дед понял, что слабое звено у противника — деревья. Он устраивал на них гнезда, но не понимал особенностей тайболы. Дед порадовался за себя. Ему нужно было выбрать время дня, когда солнце, заходя за горизонт, не сядет за вершину сопки, а пронзит тайболу своими лучами насквозь. Тогда-то противник будет отличной мишенью. «Это была не тайга», — подумали мы, поняв, кто мог стать достойным противником финского деда. Мы чувствовали, что скоро наступит развязка. Финн еще сделал глоток из кружки и не стал томить нас молчанием.

— Деду повезло. Он правильно рассчитал свою позицию на склоне сопки, с которой просматривалась вся окрестность. Он видел ели, корявые сосны, густой подлесок. Охотник чувствовал, что противник замаскировался на дереве. Но он был невидим. Пока. Пока солнце, белесое заполярное солнце, вместо того, чтобы уйти за горизонт, не появится из-за сопки и не осветит лесотундру. Саам рассчитал все верно.

Дед не слышал собственного выстрела. Он не видел, как тело врага упало в пушистый сугроб. Тряхнуло только верхушку ели. И все. Но этого было достаточно. Дед выбрался из своего укрытия, встал на лыжи и пошел к месту падения. Но не напрямую, а в обход: противник мог быть ранен. Принюхиваясь как зверь, дед был почти уверен, что противник мертв, но решил убедиться в этом. Дед не любил подранков и переживал, если ранил зверя и не смог добить его. Он не ошибся.

Мы потрясенно молчали. Уже даже не был нужен перевод Сергея, который применил весь свой опыт переводчика и дар филолога. Нам казалось, что мы, слушая финна, понимаем его рассказ, как понимали притихшие его друзья.

Мы жили и работали на Севере. Мы не были коренными жителями Заполярья. Не были охотниками. Да и бесполезное это для нас, горожан, дело — понимать и чувствовать тундру. Она могла быть непредсказуемой. Могла помочь, а могла и убить. Мы явно поняли, как суровый заполярный край помог своему сыну выиграть в этом поединке. Поединке, в котором не могло быть подранков. Призом за него могла быть только жизнь. Жизнь одного из них.

Тело он увидел издалека, хотя снайпер был в маскхалате. Но теперь ему не нужно было прятаться. Он лежал лицом вверх, и его глаза были открыты. Дед никогда не видел таких глаз. Это были глаза — щели. Узкие глаза на удивительно бронзовом, круглом лице. Из-под капюшона торчали черные короткие волосы. Они напоминали волчью шерсть на загривке. Дед стоял перед поверженным противником, как он стоял не раз перед убитым волком, и смотрел на его диковинное лицо. Дед не знал таежных жителей России и не мог понять, что с ним достойно сражался сын сибирской тайги. Да ему и не нужно было это. Он же не звал его сюда. И вряд ли бы этот охотник пощадил его, попадись он на мушку его винтовки.

Долго стоял дед перед поверженным противником, пока холод не стал заползать под малицу[1], сшитую из шкур белого оленя, и делавшую деда невидимым в наступающих сумерках. Он наклонился, снял рукавицу и закрыл удивительные глаза чужеземца, в которых отражалось чужое для него заполярное небо. В нескольких шагах дед увидел след от упавшей винтовки. Он достал ее из снега, вытер полой малицы. Это была старая винтовка с залоснившимся прикладом. На ней, как и на винтовке деда, не было оптического прицела. Этот охотник, как и дед, ходил охотиться на человека, как на зверя.

Дед забросил винтовку за спину и пошел прочь, не оставляя следов лыжами, подбитыми шкурой оленя. Он уходил прочь от убитого. Но чувствовал себя неуютно. У него не было радости победы, наоборот, навалилась усталость. Что с ним? Дед остановился, подставил лицо ветру. В его глазах стояло бронзовое лицо неведомого ему охотника с узкими глазами-щелями. Дед вдруг явно представил, как ночью к нему подберется пугливый песец и вопьется зубами в застывшее лицо, как будет алчно раздирать его. Он повернулся и решительно зашагал в обратную сторону. Убитого почти занесло поземкой, но дед нашел его. Нашел и лыжи противника. Он даже не удивился,

[1] Малица — длинная верхняя одежда из оленьих шкур мехом внутрь с капюшоном и рукавицами мехом наружу.

что лыжи были похожи на его снегоступы. Он давно понял, что имел дело с тундровым охотником, только другой страны. Он взвалил тело на лыжи и повез к подножию сопки. Там долго заваливал его камнями, чтобы ни один мелкий хищник не смог добраться до каменной могилы. После чего повернулся и, не оглядываясь, пошел прочь.

Рассказчик замолчал. Тяжело передохнул, выпил пива. Мы молчали. Было понятно, что дед-саам охотился за представителем тунгусской, корякской или другой национальности советского севера. Молчали и финны, переживая услышанное. А финн вдруг улыбнулся и сказал:

— А дед жив! — и мы все заулыбались, словно досмотрели кинофильм с хорошим исходом. — Он еще ходит на лыжах, хорошо видит, — продолжал внук, — и даже выпивает. Правда, один раз в году.

Мы поняли, что это за дата.

— Он наливает стопку водки, поднимает ее и говорит, обращаясь к нам: «Что же, что было — то было. Давайте жить дальше».

Мы, не сговариваясь, встали и свели свои кружки в единое целое.